

Вторичная авторская венаходимость
и интертекстуальность:
Арсений Тарковский и Юрий Казарин

Елена И. Зейферт

*Российский государственный гуманитарный университет,
Московский государственный лингвистический университет
Москва, Россия, elena_seifert@list.ru*

Аннотация. Опираясь на теорию авторской венаходимости М. Бахтина, автор статьи изучает синтаксическое влияние поэтики Арсения Тарковского на поэтику Юрия Казарина через анализ активно семантизированной границы. Казарин как принимает влияние Тарковского, так и противостоит ему, особенно на синтаксическом уровне. Из явных отличий их лирики на первый план проступает интерес Юрия Казарина к анжамбеману, сниженный у Арсения Тарковского. Если у Тарковского граница стихового и синтаксического рядов не перегружена и усиление разрыва этой границы может служить сигналом финала стихотворения, то у Казарина нагрузка на границу проявляется уже в начале стихотворения. Для Тарковского активно семантизированная граница скорее минус-приём, поэт зачастую демонстрирует силу лексической окраски слова в середине стиха. Казарин практикует акцент на клаузуле, экспериментируя со сменой рифмовки, в то время как Тарковский использует рифму как дискретное средство активной семантизации текста.

Ключевые слова: вторичная авторская венаходимость, интертекстуальность, активно семантизированная граница, Арсений Тарковский, Юрий Казарин

Для цитирования: Зейферт Е.И. Вторичная авторская венаходимость и интертекстуальность: Арсений Тарковский и Юрий Казарин // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2023. № 3. Ч. 3. С. 386–396. DOI: 10.28995/2686-7249-2023-3-386-396

Secondary authorial outsidership and intertextuality. Arseny Tarkovsky and Yuri Kazarin

Elena I. Seifert

*Russian State University for the Humanities,
Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia,
elena_seifert@list.ru*

Abstract. Based on the theory of the author's outsidership of M. Bakhtin, the author of the article studies the syntactic influence of the poetics of Arseny Tarkovsky on the poetics of Yuri Kazarin through the analysis of an actively semantized boundary. Kazarin both accepts the influence of Tarkovsky and opposes it, especially at the syntactic level. Of the obvious differences in their lyrics, Yuri Kazarin's interest in the enjambement, reduced in Arseny Tarkovsky, comes to the fore. If in Tarkovsky the boundary of the verse and syntactic series is not overloaded and the intensification of the gap in this boundary can serve as a signal for the finale of the poem, then in Kazarin the load on the boundary appears already at the beginning of the poem. For Tarkovsky, the actively semantized boundary is rather a minus device, the poet often demonstrates the power of the lexical coloring of the word in the middle of the verse. Kazarin practices the emphasis on the clause, experimenting with changing rhyme, while Tarkovsky uses rhyme as a discrete means of active text semantization.

Keywords: secondary author's outsidership, intertextuality, actively semantized border, Arseniy Tarkovsky, Yuri Kazarin

For citation: Seifert, E.I. (2023), "Secondary authorial outsidership and intertextuality. Arseny Tarkovsky and Yuri Kazarin", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 3, part 3, pp. 386–396, DOI: 10.28995/2686-7249-2023-3-386-396

По М. Бахтину, надбытийная напряженная активность автора – необходимое условие эстетического оформления наличного бытия [Бахтин 2000, с. 241]. По отношению к бытию автор находится в отношении внеаходимости (трансгредиентности, внеположности), бесстрастном восприятии бытия как пассивного предмета изображения. Помимо реальной действительности, в поле зрения автора может оказаться привлекающая его художественная реальность, созданная другим художником (а чаще несколькими). Автор и изображаемое им бытие переживают влияние этой художественной системы (систем) или отдельных ее элементов. В одной из своих работ я даю определение интертекстуальной вторичной авторской внеаходимости (трансгредиентности, вне-

положности), или авторской венаходимости второго уровня: это выход автора из изображаемого реального бытия и сопротивление в процессе творчества художественному миру другого автора как мирообразу, усмирение этого влияющего мира, вовлекшего в себя через интерес к нему, с помощью ослабления своей идентичности в нем¹. Помимо интертекстуальной вторичной авторской венаходимости возможна переводческая венаходимость.

Ю. Подковырин, изучая программную книгу Х.-Г. Гадамера «Wahrheit und Methode» («Истина и метод»), среди характеристик смысла литературного произведения сообщает следующие: смысл всегда соотнесен более чем с одной интенцией (например, не только с творческой установкой автора, но и с понимающей интенцией интерпретатора); смысл, несмотря на то, что постоянно обновляется в актах толкования, сохраняет самоидентичность; Гадамер категорически против релятивизации смысла [Подковырин 2022, с. 3]. В условиях интертекстуальной вторичной авторской венаходимости автор, находящийся в диалоге с другим, принимает его интенции, затем читатель принимает интенции художественного текста, прошедшего интертекстуальное влияние, – свои и «чужие» как пророщенные свои. Подобное прочтение текста углубляет его полиинтенциональную основу. Ю. Подковырин апеллирует к работе Л. Фуксона «Чтение» [Фуксон 2007], считающего вслед за Гадамером, что читатель добровольно подчиняется правилам. Гадамер раскрывает интерсубъективную структуру всякого понимания, что близко бахтинскому пониманию «чужого слова». Диалог Ю. Кристевой с М. Бахтиным В. Тюпа считает «псевдиалогом»: французская исследовательница стремится «понятие интертекстуальности» водрузить «на место понятия интерсубъективности»; кристевская интертекстуальность – дивергенция, а бахтинская интерсубъективность – конвергенция [Тюпа 2021, с. 15–16].

По мнению Ю. Кристевой, интертекстуальность – это «транспозиция одной или нескольких знаковых систем в другую знаковую систему» [Кристева 2000, с. 429]. С. Зенкин называет разрабатываемую Кристевой постструктуралистскую интертекстуальность тотальной [Зенкин 2018]: она больше читательская, чем писательская. Н. Пьеге-Гро подчеркивает, что для Кристевой интертекстуальность – это пермутация текстов [Пьеге-Гро 2008, с. 51]. При исследовании венаходимости автора, пережившего

¹ Зейферт Е.И. Авторская вторичная интертекстуальная и переводческая венаходимость // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2023. № 4.

интертекстуальное влияние, продуктивно как бахтинское, так и кристевское понимание диалога: два художественных мира (или несколько) сливаются в надличностный синтез, в котором для читателя остается возможность создать свой слой.

Анализ вторичной авторской венаходимости позволяет выйти на уровень подлинности художественного мира, сотворенного под влиянием другого, увидеть сопротивление автора другому художественному миру или растворение в нем. При исследовании влияния одного поэта на другого возможны различные способы диагностирования вторичной авторской венаходимости. Один из способов – сопоставление активно семантизированных границ как индикатора подлинности и целостности художественного мира, прошедшего влияние другого. Термин «активно семантизированная граница» я впервые предлагаю в своем исследовании лирики Арсения Тарковского: это продукт закона единства и тесноты стихового ряда, это синтаксическая и лексическая граница в стихотворении, на участке которой происходит, с одной стороны, несовпадение стихового и синтаксического рядов, а с другой – активное затемнение основного значения словесного образа (словесных образов) и мерцание колеблющихся признаков [Зейферт 2023, с. 122].

Интертекстуальность на уровне единства и тесноты стихового ряда (Ю. Тынянов) говорит о глубинном влиянии одного автора на другого и столь же глубинном сопротивлении одного другому. Интересный для творящего автора чужой художественный мир наплывает на него в первую очередь ритмически, поэтому избежать интонационно-синтаксического влияния наиболее трудно. Автор может намеренно уходить от чужих тем и мотивов, сюжетов и приемов композиции, но влияние поэтического синтаксиса во многом «телесно» и бессознательно². Наследование ритмов наиболее заметно, потому что лирика нацелена на озвучание. Чужая интонационно-синтаксическая система словно приглашает в ритмическую игру, и достойное преодоление этих ритмов говорит о независимости нового художественного мира. Централизация, свойственная, по М. Бахтину [Бахтин 2017], поэзии, усиливает это влияние: семантика поэтического слова зависит от единства и тесноты стихового ряда [Тынянов 2004], диалогическое взаимодействие синтаксических систем, или синтаксическая интертекстуальность, демонстрирует немалую долю бессознательного ритмического заимствования.

²Образно говоря, интонационно-синтаксическое кровеносное деревце растет в ткань произведения.

Современный поэт и филолог Юрий Казарин (родился в 1955 г.), в чьем творчестве заметно влияние Арсения Тарковского, сообщает в письме автору этой статьи 3 марта 2023 г.:

Мои любимые и самые значимые поэты – Мандельштам, Рильке и Тарковский – образовали нерушимую и драгоценную ось и поэзии, и поэиеведения, создали общий этико-эстетический сценарий поэзии на основе таких главных признаков, как энигматичность, эвристичность, экспериментальность, а также конститутивное качество, свойство и вещество поэзии, которое принято называть Невыразимым. <...>

Арсений Тарковский вместе с Пушкиным, Тютчевым, Баратынским и Мандельштамом – это антропопоэтические знаки культуры поэзии категориального и генерального характера. Поэзия А. Тарковского – это вечная, горькая и сладкая загадка: именно Тарковский завершил (совместно с другими поэтами, такими как Тютчев, Баратынский, Пушкин, Мандельштам, Хлебников и Заболоцкий) формирование эфемерного, а значит, вечного фундамента культуры русской поэзии, которая после Тарковского могла родниться и взаимодействовать с культурой поэзии мировой, особенно немецкой (Гёльдерлин, Рильке, Целан и др.).

Таким образом, влияние Арсения Тарковского на Юрия Казарина носит прямой и осознанный характер.

Д. Дюришин предлагает выделять «контактно-типологический метод», который учитывает взаимосвязь «контактно-генетических связей» и «типологических схождений». Говоря о методике компаративного анализа, Д. Дюришин предлагает не ограничиваться только одним – генетическим или типологическим аспектом (как это нередко бывает), потому что установление генетических контактов немислимо без знания типологических схождений, и наоборот. «Мы имеем в виду, – дефинирует Дюришин, – внутреннеконтактный подход, при котором, подобно типологическому, предполагается структурное рассмотрение литературного явления» [Дюришин 1979, с. 71]. Контактно-генетический интерес Казарина к Арсению Тарковскому очевиден в его восхищении поэтом, обостренном интересе к нему и общих источниках (В. Вернадский, русская мистическая философия, Ф. Тютчев и др.). По мнению Д. Дюришина,

...причинно-диалектическому анализу внутреннеконтактного материала обычно предшествует фиксация всевозможных связей и отношений литературных явлений, причем далеко не всегда речь идет об отношениях, взаимообусловленных законом причинности [Дюришин 1979, с. 82].

Поэзия Казарина типологически близка поэзии Арсения Тарковского своей тематикой, метрикой, строфикой, графикой. Однако интонационно-синтаксическое сближение (или несходство) здесь более глубинно и показательно и, несмотря на свою явно преобладающую бессознательность, говорит о контактных связях – обостренном интересе одного поэта к другому, частом перечитывании впечатлившей лирики.

Цель статьи – изучить семантизацию границы синтаксического и стихового рядов на материале лирики Арсения Тарковского (1907–1989) и Юрия Казарина (род. в 1955), сопоставив поэтику этих поэтов в заданном аспекте.

Из явных отличий их лирики на первый план проступает интерес Юрия Казарина к анжамбеману, сниженный у Арсения Тарковского. В стихотворении Юрия Казарина «За листопадом, за...» между первым и вторым стихом использован радикальный стихотворный перенос, разъединяющий предлог и существительное:

* * *

За листопадом, за
колючкой огуречной
глаза, глаза, глаза
есть в осени конечной³.

Предлог «за» начинает и завершает первый стих, еще больше изолируя первую строку от второй и всего стихотворения горизонтальной симметрией. В первой строке, выполняющей функцию названия, – явная отсылка к стихотворению Арсения Тарковского «Перед листопадом».

Четкость ритма подчеркнута ссылкой на Ф. Тютчева («Есть в осени первоначальной...»). Вертикальные ряды (точная рифма, синтаксический параллелизм), чеканность силлабо-тоники усиливают авангардность переноса. Особенно сильный диссонанс с рваным синтаксисом первой строки создает параллелизм во второй строфе:

наличие креста
в сырой структуре сада,
падение листа
как продолженье взгляда⁴

³ Казарин Ю. Каменские элегии: Полный свод стихотворений. М.: Русский Гулливер: Центр современной литературы, 2020. С. 15.

⁴ Там же.

Движение взгляда – высокочастотный мотив у Казарина, практически всегда сопровождаемый анжамбеманами, словно копирующими это движение. Стихотворение архитектурно точно, что в целом свойственно Казарину: искусная звукопись («в иную синеву сквозь синюю ботву»), поэт использует смену способа рифмования в последней строфе (из перекрестной в парную) как сигнал финала.

в иную синеву
 сквозь синюю ботву
 они летят над нами,
 вздувая дым крылами⁵.

Звукопись, сгущающая активно семантизированную границу, предстает важнейшим приемом для Казарина. Однако есть и примеры, когда в его фонетически отточенных стихотворениях активно семантизированная граница спокойна. В двухчастном стихотворении «В прошлом году, вчера...», посвященном Ольге Седаковой, в первой части наблюдается скопление звуков «с», «в», «р», подчеркивающее изображение синевы, серебра воды, во второй – скопление «с» и «з», нацеленное на демонстрацию слуха, звука («Слух оторвать от звука...»). Стих Казарина здесь словно звенит благодаря аллитерации. Синтаксические параллелизмы («чистого серебра, / истовой синевы / ... подлинной высоты») подчеркивают смысловую вертикаль, созданную фоникой. В этом стихотворении эксперименты на уровне синтаксиса излишни, их отсутствие компенсировано активной звукописью.

Лирический герой Юрия Казарина – созерцатель. Для этого поэта характерно использование мотивов зрения, взгляда, в том числе окрестного (в стихотворении «От неба, от огня, и от воды глубокой...»: «и от воды глубокой очей не отвести», «так смотрит с высоты и давит, Боже мой, окрестный взгляд без глаз», «не пустою стать, а новой частью взгляда окружного...»; в диптихе «Зеркало выльют сквозь зеркало в зрячий лес...»: «прямо в пригоршню каменистых небес – детским усилием взгляда»; в стихотворении «Лук до начала плача...»: «чувствуется окрест»; в стихотворении «Река льнёт к своей тропе»: «почти любимо и знобимо зрачком на ледяной крупе»; в стихотворении «Снег вывалился из глуши»: «и образуют общий взгляд» и др.). Поэт воспроизводит координаты «верх»/«низ» («не ястреб и не темя упрется прямо в бездну», «и умерев, взойти» («От неба, и огня, и от воды глубокой...»)),

⁵Там же.

«внутри»/«снаружи» («он как шерсть – и внутри и снаружи – на распахнутой в дереве стуже» («Этой мглы, золотой и заочной...»)). Лирический герой обозревает окрестности, и стихотворные переносы словно фиксируют линии и точки этого взгляда. Зрением наделены и явления природы, которые обмениваются между собой световой речью:

так и сидят, лежат, стоят
и образуют общий взгляд –
лучи, звучащие в пустыне,
где звезды разгребает иней,
как пустоту тому назад⁶.
(«Снег вывалился из глуши...»)

У Тарковского концептуальный мотив нередко находится в середине строки. Не так у Казарина. Его лейтмотивы, встречаясь в начале и середине строки, нередко занимают сильную концевую позицию, куда смещаются и мерцательные колебания лексической окраски. К примеру, высокочастотные для Казарина мотивы «Бог» и «снег» находятся как в середине, так и в конце стиха:

от дуновенья Бога; Божьих уст
взыскают твердые уста сибирской стужи,
звезды полярной зрак становится всё уже,
всё глубже вдох, всё ближе к Богу Бог⁷

У зеркала с прозрачными зрачками –
пестрит стена, и снег из-под саней⁸

Маленький человек,
мальчик – щека в песке:
глина у нас, как снег,
тает сама в руке⁹.

Как и у Тарковского, у Казарина колеблющиеся признаки нередко излучаются из магистральной в стихотворении метафоры.

Рифма у обоих поэтов является дискретным средством активной семантизации текста: авторы не стремятся к неординарным со-

⁶ Казарин Ю. За глагольной иглой // Знамя. 2022. № 9.

⁷ Казарин Ю. Ответный снегопад // Урал. 2011. № 6.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

звучиям. Сукцессивность (но и одновременно быстрая рецепция) стихотворной речи у Юрия Казарина во многом возникает благодаря синтаксическим и фоническим экспериментам, в то время как у Арсения Тарковского стих становится рецептивно медленным благодаря контексту.

Если у Тарковского граница стихового и синтаксического рядов не перегружена и усиление разрыва этой границы может служить сигналом финала стихотворения, то у Казарина нагрузка на границу проявляется уже в начале стихотворения. Для Тарковского активно семантизированная граница скорее минус-приём, поэт зачастую демонстрирует силу лексической окраски слова в середине стиха. Казарин практикует акцент на клаузуле, экспериментируя со смелой рифмовки, в то время как Тарковский использует рифму как дискретное средство активной семантизации текста. Стихотворный перенос, том числе радикальный, – излюбленный прием Казарина (особенно заметный на фоне силлабо-тоники и рифмы), в то время как для Тарковского он нехарактерен. Если у Тарковского синтаксическая лиминальность поддерживает лексическую, выполняя вспомогательные функции, то для Казарина лексическая и синтаксическая границы равноценны и нередко усилены звукописью.

Не увлекаясь демиургической энергией Арсения Тарковского, Юрий Казарин, следуя авторской венаходимости первого и второго уровня, создает уникальный художественный мир лирического созерцателя, линии и точки взгляда которого поддерживают стихотворные переносы. Казарин как принимает влияние Тарковского, так и противостоит ему, особенно на синтаксическом уровне. Синтаксическая интертекстуальность здесь является и индикатором этого сопротивления, и одним из проявлений подлинного таланта Юрия Казарина.

Литература

- Бахтин 2000 – *Бахтин М.М.* Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000. 336 с.
- Бахтин 2017 – *Бахтин М.М.* Слово в романе. СПб.: М.: Пальмира, 2017. 230 с.
- Дюришин 1979 – *Дюришин Д.* Теория сравнительного изучения литературы / Пер. со словацк. Ю.В. Богданова. М.: Прогресс, 1979. 320 с.
- Зейферт 2023 – *Зейферт Е.И.* Единство и теснота стихового ряда и активно семантизированная граница в лирике Арсения Тарковского // Практики и интерпретации. 2023. Т. 8 (1). С. 118–132.
- Зенкин 2018 – *Зенкин С.Н.* Теория литературы. Проблемы и результаты. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 368 с.

- Кристева 2000 – *Кристева Ю.* Бахтин, слово, диалог и роман // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму. М., 2000. С. 427–457.
- Пьеге-Гро 2008 – *Пьеге-Гро Н.* Введение в теорию интертекстуальности / Пер. с фр. Г.К. Косикова, В.Ю. Лукасик, Б.П. Нарумова; Общ. ред., вступ. ст. Г.К. Костикова. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 240 с.
- Подковырин 2022 – *Подковырин Ю.В.* Диалогическая концепция смысла в «Истине и методе» Х.-Г. Гадамера и ее значение для литературоведческой герменевтики // *Филология: научные исследования.* 2022. № 6. С. 1–8.
- Тынянов 2004 – *Тынянов Ю.Н.* Проблема стихотворного языка. М., 2004. 176 с.
- Тюпа 2021 – *Тюпа В.И.* Псевдиалог: Кристева читает Бахтина // Проблемы интерпретации: Сб. науч. статей к 65-летию Леонида Юдеlevича Фуксона / Под ред. Ю.В. Подковырина; Кемеровский гос. ун-т. Кемерово, 2021. С. 9–19.
- Фуксон 2021 – *Фуксон Л.Ю.* Чтение. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2007. 224 с.

References

- Bakhtin, M.M. (2000), *Avtor i geroi. K filosofskim osnovam gumanitarnykh nauk* [Author and hero. On the philosophical foundations of the humanities], Azbuka, Saint Petersburg, Russia.
- Bakhtin, M.M. (2017), *Slovo v romane* [Word in a novel], Saint Petersburg, Russia.
- Dyurishin, D. (1979), *Teoriya sravnitel'nogo izucheniya literatury* [The theory of comparative study of literature], Progress, Moscow, Russia.
- Fukson, L.Yu. (2007), *Chtenie* [Reading], Kuzdassvuzizdat, Kemerovo, Russia.
- Kristeva, Yu. (2000), “Bakhtin, word, dialogue and novel”, *Frantsuzskaya semiotika: ot strukturalizma k poststrukturalizmu* [French semiotics. From structuralism to post-structuralism], Moscow, Russia, pp. 427–457.
- Piegay-Gros, N. (2008), *Vvedenie v teoriyu intertekstualnosti* [Introduction to the theory of intertextuality], Izdatel'stvo LKI, Moscow, Russia.
- Podkovyrin, Yu.V. (2022), “The dialogical concept of meaning in H.-G. Gadamer's 'Truth and method' and its significance for literary hermeneutics”, *Philology: Scientific Research*, no. 6, pp. 1–8.
- Seyfert, E.I. (2023), “The unity and tightness of the verse series and the actively semantized boundary in the lyrics of Arseny Tarkovsky”, *Practices and Interpretations: A Journal of Philology, Teaching and Cultural Studies*, no. 8 (1), pp. 118–132.
- Tynyanov, Yu.N. (2004), *Problema stikhotvornogo yazyka* [The issue of poetic language], Moscow, Russia.
- Tyupa, V.I. (2021), “Pseudo-dialogue. Kristeva Reads Bakhtin”, Podkovyrin, Yu.V. (ed.), *Problemy interpretatsii: Sbornik nauchnykh statei k 65-letiyu Leonida Yudelevicha Fuksona* [Issues of interpretation. Collection of scientific articles for the 65th anniversary of Leonid Yudelevich Fukson], Kemerovo, Russia, pp. 9–19.
- Zenkin, S.N. (2018), *Teoriya literatury. Problemy i rezul'taty* [Theory of Literature. Issues and results], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Елена И. Зейферт, доктор филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6;

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия; 119034, Россия, Москва, ул. Остоженка, д. 38; elena_seifert@list.ru

Information about the author

Elena I. Seifert, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047;

Moscow State Linguistic University, bld. 38, Ostozhenka Street, Moscow, Russia 119034; elena_seifert@list.ru